

Михаил Иванович Пыляев

Наш театр в эпоху Отечественной войны

*Часть сборника
Замечательные чудачки и
оригиналы (сборник)*

Михаил Иванович Пыляев
Наш театр в эпоху
Отечественной войны
Серия «Старое житье»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=621925

*Михаил Пыляев. Замечательные чудаки и оригиналы: Эксмо; Москва;
2008*

ISBN 978-5-699-26293-9

Аннотация

«В знаменательный год Отечественной войны деятельность русского театра в Петербурге не прерывалась. Напротив, репертуар новых патриотических пьес каждодневно обогащался; появилось даже много балетов, относящихся к военным событиям того времени. Спектакли в этот год давали только на Малом театре (нынешний Александринский) и в доме Кушелева, где теперь Главный штаб. На первом играли французы и русские, на втором – немцы и молодая русская труппа, составленная из воспитанников театрального училища и немногих вновь определяющихся дебютантов...»

Содержание

М. И. Пыляев

Наш театр в эпоху Отечественной войны

*Отражение патриотизма на сцене. –
Последнее театральное представление в
Москве. – Генерал Боссе и его французская
труппа. – Бегство французов из Москвы. –
Возрождение московского театра*

В знаменательный год Отечественной войны деятельность русского театра в Петербурге не прерывалась. Напротив, репертуар новых патриотических пьес каждодневно обогащался; появилось даже много балетов, относящихся к военным событиям того времени. Спектакли в этот год давали только на Малом театре (нынешний Александринский) и в доме Кушелева, где теперь Главный штаб. На первом играли французы и русские, на втором – немцы и молодая русская труппа, составленная из воспитанников театрального училища и немногих вновь определяющихся дебютантов.

В то тяжелое время всеобщий патриотизм сильно отразился на нашей сцене. Каждый стих, каждое слово применимое к тогдашним военным обстоятельствам, вызвало целую

бурю рукоплесканий и самые неистовые иступленные крики «браво!», «бис!». Когда, например, в трагедии «Фингал» – актер говорил:

«Могила храброго отечеству священна!»,

или в «Дмитрии Донском»:

«Умрем, коль смерть в бою назначена судьбою!»,

или когда боярин возвещал Ксении победу, произнося:

«Разбитый хан бежит, Россия освобожденна!»,

оглушительные единодушные аплодисменты неслись и раздавались повсюду. Актер стоял, безмолвствуя по получа- су, не смея продолжать монолога.

При исполнении драмы С.И. Висковатова «Всеобщее ополчение», один из зрителей, видя, как на сцене все при- носят в дар отечеству свое имущество, до того забылся, что бросил на сцену свой бумажник, вскричав: «Вот возьмите и мои последние 75 рублей!»

В этой пьесе маститый семидесятилетний старец И.А. Дмитриевский исполнял главную роль унтер-офицера Усер- дова, который, не имея уже силы идти в ополчение, приносит свои медали в пользу ополченцев, артист изображал больно- го дряхлого мужа, убеленного сединою, с открытым челом,

в рубище, то одушевленного порывом патриотизма, то плачущего о своем бессилии, то трепещущего за святую свою родину. Около старца веяло какой-то святыней, и минуты его увлечения были высокие минуты. Все плакали от умиления, сам Дмитриевский рыдал и не мог выговорить слова, когда после единодушного вызова хотел благодарить публику. Заслуженного артиста почти без чувств привезли домой. На другой день рано он получил запечатанный ящик, в котором лежал драгоценный перстень с запиской: «Истинному сыну отечества и великому актеру».

Это был подарок великого князя Николая Павловича.

В этот же патриотический спектакль шел балет сочинения Вальберха и Огюста «Любовь к отечеству» с хорами и пением, музыка сочинения Кавоса; певец Самойлов представлял русского генерала и пел арию. В драме и балете вся труппа была на сцене.

В тот день, когда было получено известие о Клястицком и Кобринском сражениях, шла русская опера «Старинные святки», и Сандунова играла Настасью. Когда по обыкновению она запела песню: «Слава Богу на небе, слава», – то вдруг остановилась, подошла к рампе, и с самым пламенным чувством запела:

Слава храброму графу Витгенштейну,
Поразившему силы вражески! Слава!
Слава храброму генералу Торماسову,
Поборовшему супостата нашего! Слава!

Театр загремел и потрясся от рукоплесканий и криков «ура!». Когда же певицу заставили повторить, то она снова подошла к рампе и медленно запела тихим, дрожащим голосом:

Слава храброму генералу Кульневу,
Положившему живот свой за отечество! Слава!

На этот раз весь театр залился слезами вместе с певицей. Энтузиазм артистов нередко заходил и далее, актеры и актрисы забывали свои роли и неудержимо предавались патриотическому чувству. Так, знаменитая трагическая актриса К.С. Семенова, узнав нечаянно за кулисами о новом торжестве русского оружия, с радости выбежала на сцену и закричала «Победа! Победа!!» Разумеется, этого ни в пьесе, ни в роли ее не было.

Театр ежедневно давал что-нибудь патриотическое, и зала театра всегда была полна; восторг зрителей при каждом слове, имеющем какую-нибудь аналогию, доходил до исступления. Любимыми в то время пьесами были: «Пожарский», «Дмитрий Донской», «Всеобщее ополчение», «Илья-Богатырь»; в последней пьесе куплеты. «Победа, победа русскому герою», – всегда приводили публику в патриотический восторг. Балет «Любовь к отечеству» и множество дивертисментов, в которых Н.А. Корсаков вставлял свои куплеты, всегда приходились по вкусу зрителям.

При вступлении русских в Париж и по получении о том известия, поставлен был на сцене балет Огюста «Гений благодости». Это был аллегорический апофеоз виновнику славы России, Александру Благословенному. При перемене декораций аллегория оканчивалась, и победители являлись в Париже, где побежденные и победители вместе праздновали торжество «Гения благодости». Стихи:

Честь Александру,
Хвала царю царей!

петые актером Бобровым, не певцом, производили громовой эффект. В комедиях «Модная лавка» и «Урок дочкам» насмешки и карикатуры на французов вызывали также полный и неудержимый смех.

Иногда и французские актеры, игравшие в то время в Петербурге, жертвуя своим родным патриотическим чувством, разыгрывали русские патриотические пьесы на французском языке. Так, известный в то время актер Дальмас поставил в свой бенефис Озеровского «Дмитрия Донского», а знаменитая трагическая актриса Жорж исполняла роль княжны Ксении. Но такие спектакли в петербургской публике не находили сочувствия и встречали одно холодное внимание.

Вся высшая аристократия, с открытием войны, перестала посещать французский театр. Рассказывают, что перед объявлением войны случился в нем следующий казус.

В то время существовал обычай возвещать со сцены состав спектакля на следующий день, и актеры, выхода всегда с тремя обычными поклонами, говорили «Monsieurs, demain nous aurons lhonneur de vous dormir...»¹ – и проч. Когда же началась война, то однажды первый актер Дюрен, выйдя для анонса и начал свою всегдашнюю фразу: «Messieurs!» – увидал, что в зале всего сидит один зритель, и то, кажется, должностное лицо, а потому тотчас же переменял начало речи и сказал: «Monsieur, demain nous aurons lhonneur...» – закрыть спектакли, распустить труппу и т. д. Ненависть к французам в годы войны в народе была чрезвычайно сильна. Много людей пострадало за то только, что не оставило обыкновения говорить на улице по-французски. Просто народ останавливал таких господ, подозревал в шпионстве и передавал в руки полиции. Чуть-чуть за такую привычку говорить по-французски не заплатился жизнью директор петербургских театров князь Тюфякин, заговоривший в Казанском соборе во время обедни со своим знакомым на этом ненавистном в то время языке. Только находчивость и распорядительность ловкого полицейского офицера спасла жизнь князя. Он пробился сквозь толпу и учтиво попросил князя Тюфякина последовать за ним к главнокомандующему, графу Вязьмитинову. Князь повиновался и несколько сот людей последовали за ним в Большую Морскую. Толпа эта беспрестанно возрастала дорогою; все твердили, что поймали важного шпиона,

¹ Господа, завтра мы будем счастливы предложить вам... (фр.)

неприязненное и враждебное расположение толпы на дороге все увеличивалось, и без полицейского конвоя, едва ли князь остался бы жив. Граф избавил князя от печальных сцен, выпустив его из других ворот и выслал к народу полицмейстера Чихачева с объяснением, что приведенный человек вовсе не шпион, а русский князь. В Петербурге за все время войны спектакли не прерывались. Но в Москве их уже не было. Грозный гром битвы под Бородином уже гремел – и жрицы Талии и Мельпомены испуганно бежали из пределов белокаменной.

Князь Долгорукий в «Капище моего сердца» рассказывает два эпизода из бегства наших актеров из Москвы во время вступления французов. «Когда партизаны неприятельские уже начинали грабить около нашей подмосковной, тогда мы снабдили подводами семейства актеров Мочалова с женою и дочерью и певицу Носову с матерью и доставили им возможность дотащиться до Ярославля, куда из Москвы выехали их начальники. При всем горе и несчастьи, в котором всякий из нас тогда находился, были минуты, в которые нельзя было не расхохотаться. Например, когда я увидел, что Носова натягивала дугу у телеги и сама в нее впрягала лошадь. Носову, которую я помню в театре, дающую оперу в свой бенефис, которой, кроме четырех тысяч сбору в один вечер, летали еще из партера на сцену кошельки с особенными подарками признательности, видеть ее же около лагуна с дегтем и клячи было жалко и смешно... не меньше был забавен и Моча-

лов, когда он вдруг прибежал к матери моей и трагически вопиял против невежества нашего управителя. Дело было в следующем: Мочалов, видя, что мы слишком стеснены, желал нанять квартиру на заводе, от которого мы жили в версте расстояния. Управляющий заводом, узнав, что он актер, запретил ему отдавать квартиру, говоря, что Господь покарает весь завод за то, что он приютил в такое тяжкое время грешника-актера».

Последнее театральное представление в Москве давали 30 августа 1812 года во вновь построенном театре у Арбатских ворот. Шла драма С.Н. Глинки «Наталья, боярская дочь». Главную роль в этой драме играл пожар. Представление это было дурным предзнаменованием. Театр не простоял и двух месяцев, и с первых же дней представления он неохотно посещался публикой и сборами едва окупал ежедневные расходы. Граф Ростопчин, тогдашний губернатор Москвы, по открытии его, сказал: «Чтоб поддержать его, нужно купить две тысячи душ крестьян и приписать их к нему, т. к. на одну публику надеяться нельзя». В том театре шли спектакли на русском и французском языке – последние, впрочем, уже очень неохотно посещались – были даже такие ненавистники французов, которые публично выражали свое неудовольствие к французским актерам. В числе таких был некто Гусятников, человек почтенных лет, из купеческого сословия, но вращавшийся в лучшем московском обществе. Он был большой театрал и поклонник певицы Лизаньки Сан-

дуновой, допевавшей уже свои арии. В то время, о котором говорим, приехала из Петербурга в Москву на несколько представлений известная французская певица Филис Андрие. Русские театралы взволновались и вооружились против француженки. Поклонник Сандуновой и всего отечественного Гусятников стал во главе недовольных и в первый же спектакль садится в первый ряд кресел, и только что начинает Филис делать свои рулады, он затыкает себе уши, встает с кресел и с заткнутыми ушами торжественно проходит всю залу, кидая направо налево взгляды презрения и негодования на всех французолюбцев, как их тогда уже называли с легкой руки патриота С.Н. Глинки.

При вступлении Наполеона в Москву ни одного уже театра не существовало. Префект двора императора, генерал Боссе, искал театра для придворных представлений. Во время занятия Москвы французами уцелел от пожара, но не от разграбления, один только частный театр Позднякова, на Никитской улице, где теперь дом князя Юсупова. Этот театр славился в старой Москве роскошью, своим зимним садом и своими затеями вельмож прошедшего века. Его спектакли привлекали массу посетителей. Крепостная труппа Позднякова была вполне прекрасная. Вся Москва так и рвалась смотреть их.

Этот-то дом Позднякова и избрал генерал Боссе для представления уцелевшей французской труппы во время пребывания Наполеона в Москве.

Несколько лет еще до вступления Наполеона в Москву существовала труппа французских актеров под управлением даровитой госпожи Бюрсей. Забытая всеми во время всеобщего бегства из Москвы, семья этих артистов приютилась в огромном доме князя Гагарина, в Басманной, в части города, совершенно противоположной той, куда должна была вступить армия.

Вот как описывает актриса Фюзи свое пребывание в то время в Москве (см.: «Souvenirs d'une actrice, par madam Louise Fusil»²): «Начался пожар Москвы; от сильного ветра огонь разливался с необычайною быстротою. Ночью мы не зажигали свеч, потому что было гораздо светлее, нежели днем. По временам раздавались взрывы, вроде ружейных выстрелов. Дом, в котором мы думали найти безопасное убежище, загорелся и мы с трудом успели вынести нужнейшие из своих вещей в сад.

Мы хотели искать убежища в Петровском, где жил Наполеон, но без военного конвоя не смели туда отправиться. Блуждая из улицы в улицу, из дома в дом, мы везде находили следы грабежа и опустения. Между тем приказано было отыскать артистов, живших в Москве, из которых одни должны были петь во дворце, другие – играть комедии. Исполнение такого приказа казалось весьма затруднительным в городе, начисто ограбленном; где было найти нужных декораций, свеч, масла для ламп и т. д. Короли кулис утратили

² «Воспоминания актрисы, написанные Луизой Фюзил» (фр.).

свои пурпуровые мантии и облеклись в одежды сермяжные. Лапти заменили им державные сандалии. В таком печальном положении нашел питомцев муз генерал Боссе. Он доложил императору о печальной участи артистов. Император приказал немедленно им выдать значительную сумму денег». Госпожа Бюрсей представила генералу Боссе всех членов своей труппы, которая состояла из господ Адне, первого трагика парижского театра Сен-Мартен, Перу, Госсе, Лефевра и госпожи Андре, Перигюи, Лекен, Фюзи, Ламираль и Адне.

Но в каком жалком виде предстали эти артисты перед взором своего начальника: первый трагик явился в фризовой шинели и шапке ополчения; первый любовник – в семинарском сюртуке и треугольной шляпе; благородный отец – без сапог и с дырявыми локтями; злодей – без необходимейшей части туалета, без штанов, в коротеньком испанском плаще. Дамы были еще скуднее одеты – вся труппа была разряжена, как будто шла в маскарад нищих и бродяг. Одна только директриса, госпожа Бюрсей, была одета в красной душегрейке на заячьем меху и в головном уборе Марии Стюарт с черным страусовым пером и в чалме, в которой некогда играла в «Трех султанах» и «Заире».

Полуразрушенный театр Позднякова был приведен в порядок. Его очистили, выбелили, ложи одели драпировкою, занавес сшили из цельной парчи, которой довольно нашлось в золото-кружных рядах, спасенных от ограбления. Повешено было стосемидесятиместное паникадило из чистого се-

ребра, которое некогда украшало храм Божий. Сцена была убрана с роскошью. Богатейшая мебель, драгоценные украшения, мраморы, бронзы явились в изобилии. Их извлекали из-под пепла и из погребов, куда москвичи прятали свои сокровища, предавая жилища огню. Кремлевские палаты, галереи Чудова монастыря и колокольня Ивана Великого были битком набиты всевозможными сокровищами и драгоценностями.

Граф Дюма, которому Наполеон поручил надзор за Кремлем, все это отрыл в подземельях и радушно открыл эти богатства перед новым директором театра, которые и обратил их в бутафорные и гардеробные вещи. Гардероб наполеоновского театра мог щегольнуть богатством и роскошью невиданною и неслыханною. Здесь не было ничего мишурного, все было чистое золото и серебро. Фюзи рассказывает: «Нельзя себе представить той жадности, с которою оборванные, почти нагие артисты бросились вскрывать тяжелые сундуки бояр московских. Мужчины делили дедовские кафтаны русских, женщины отнимали друг от дружки старинные атласные робронды бабушек и т. д. В порыве восторга актеры и не замечали, что под пышною одеждою у них недоставало самого необходимейшего – белья». Три дня спустя после приказа Наполеона, театр был открыт для военной публики. Вот первая афиша, которую передаем с фотографическою точностью.

Les comediens francais auront l'honneur mercredi prochain 7 octobre 1812 Une premiere representation du jeu de l'amour et du hasard, comedie en 3 actes et en prose de Mariveau suivie

de L'amant auteur et valet comedie en 1 acte et en prose de Ceron.

Dans la «Jeu del'amour»: M-rs Adnet PerroucL, St Cm-BeLcour, Bertrand M-mes Andre, Fusil.

Prix de places

Premieres galleries.....5 roubles
ou 5 frank

Parquet.....3 roubles
ou 3 frank

Seconde galerie.....1 rouble
ou 1 franc.

On commencera a 6 heures precises. La salle du spectacle est dans la grande Nikitskaia, maison de Posniakoff.³

Первый спектакль прошел блистательно, зрители не переставали аплодировать и кричать «браво». Весь партер был

³ Французский театр в Москве Французский театр Комедии в ближайшую среду 7 октября 1812 будет иметь честь впервые представить Игру любви и случая Комедия в 3-х частях, сочиненная г-ном Мариво, а вслед за нею «Слуга и возлюбленный». Комедия в 1-й части, сочиненная г-ном Геро В «Игре любви» участвуют: гг. Адне. Перу, Сен-Клер, Белькур, Бертран; также г-жи Андре и Фюзи. Цена за место: Первый ярус.....5 рублей или 5 франков Партер.....3 рубля или 3 франка Второй ярус.....1 рубль или 1 франк Начало представления ровно в 6 часов. Задано будет на Большой Никитской, в доме Позняковых.

занят солдатами, из которых старые драбанты гвардии сидели в первых рядах в полной форме, с крестами Почетного легиона на груди. Оба ряда лож были заполнены чиновниками штаба и офицерами всех войск и наций. Публика при всякой верной оказии кричала. «Vive l'Empereur! Vive Napoleon!» (Да здравствует император! Да здравствует Наполеон!). Немного женщин можно было насчитать в театре, из присутствовавших женщин почти все были обитательницы Кузнецкого моста, модистки и несколько гувернанток без мест. Оркестр состоял из лучших музыкантов гвардии и был вполне превосходный. Между тем как солдаты аплодировали и кричали «браво» артистам, товарищи их поочередно охраняли театр. Кой-где разложены были огни, и чрезвычайное множество бочек с водою и ведер стояло около самого театра. По всей же Никитской и по бульварам тянулись сторожевые кордоны и пикеты, такие строгие меры предпринимались на случай пожара, могущего произойти на сцене.

За все время пребывания французов в Москве дано было одиннадцать представлений. Пьесы, имевшие особенный успех, повторялись несколько раз, давали «Три султана», «Figaro» («Фигаро»), «Le procureur arbitre» («Третейский судья»), «Side et Zaira» («Сид и Заира») и многие другие.

Но невесело было актерам и актрисам. Вот что говорит Фюзи: «Когда нам велели играть комедию, мы думали, что над нами шутят. У нас не было ни платья, ни белья, ни башмаков. Однако ленты и цветы посыпались на нас градом, их

находили в казармах нашей гвардии; к стыду французов эти казармы гвардии, где развевались ленты, были святые соборы: Кремлевский, Успенский, Благовещенский и Архангельский». По преданию, сам Наполеон не удостоил своим присутствием ни одного представления. Впрочем, Фюзи в своих записках рассказывает, что он заходил однажды в спектакль, когда давали пьесу «Открытая война».

Но для императора префект Боссе устроил совершенно другого рода удовольствие: между иностранцами, жившими в Москве и уцелевшими при общем погроме, нашли итальянца – певца Таркинио. Он пользовался известностью в Москве как преподаватель пения. К нему добыли пианиста Мартини, сына автора оперы «Редкая вещь» (*La cosa rara*) и «Дианино древо». Еще взяли певицу романсов и ариеток госпожу Фюзи. Артисты были представлены ко двору и каждый вечер составляли Наполеону концерт из пьес любимых его авторов.

Вот как описывает один из таких концертов госпожа Фюзи: «Я пела романс, которым прославила себя в московских гостиных. В присутствии Наполеона зрители не аплодировали; но романс, никому не известный, произвел некоторое впечатление. Наполеон, разговаривая с кем-то во время пения, не слышал романса, однако ж, шум в зале заставил его спросить о причине графа Боссе. Мне приказано было повторить романс. С тех пор меня беспрестанно мучили этим романсом. Король Неаполитанский выпросил у меня музы-

ку. Романс был написан в рыцарском духе...»

На театре также привлекал особенное внимание военной публики род балета или разнохарактерного дивертисемента, который целиком был взят французскими актерами у русских. Он состоял из разных танцев и преимущественно из русской пляски, которую превосходно плясали две сестры Ламираль, по рождению русские. «Седьмого октября, – рассказывает граф Боссе в своих воспоминаниях, – император призвал меня и стал спрашивать об улучшениях касательно театра. Он начал перечислять артистов, которых можно взять с Театра Большой комедии в Париже, не вредя его составу. Отмечая имена их карандашом на лоскутке бумаги, он говорил о мерах, которые нужно принять для скорейшего доставления их в Москву. Список не был еще кончен, как наши занятия были прерваны неожиданным приездом адъютанта Мюрата „Что нового“ – спросил император, все еще рассматривая свой список... „Государь! Мы разбиты!“ – отвечал посланный. Наполеон ждал от русского императора мирных переговоров, он писал к нему. Ответ этот был – поражение короля Неаполитанского под Тарутином войсками Бенингсена».

В тот же вечер был отдан приказ выступить из города и строиться за Калужскою заставой. Эта внезапная весть изумила все войско. Граф Боссе поспешил уведомить о ней свою труппу, предоставляя на волю актеров: оставаться в разграбленной Москве или следовать за войском.

Выступление французов из Москвы продолжалось несколько дней сряду. Сперва выступили команды с заграбленными сокровищами, потом пошли обозы, лазареты, наконец, потянулись и самые полки в разные заставы. Девятого октября маршал Мортье вывел из Москвы последний остаток войска.

Очень немногие из актеров Наполеона вернулись на родину. Выехали артисты из Москвы довольно забавно: первый любовник поехал верхом, трагики и комики поместились в лазаретном фургоне. Первая любовница, госпожа Андре, вместе с директоршей, госпожой Бюрсей, раздобыли ландо и выехали на тройке лошадей, подаренных им префектом. До Смоленска еще кое-как они дотащились, но уже в Смоленске обрушились на них всевозможные несчастья. Пероне, первый любовник, потерял там своего Буцефала и отморозил ноги; при выезде же из Смоленска в лазаретной фуре он был безжалостно брошен на большой дороге и умер с голоду. Адне, первый сюжет труппы, тоже скоро изведал всю превратность судьбы человеческой: в Смоленске он забыл застаться рукавицами и валенками и на пути отморозил себе руки и ноги, а при переправе через Березину утопил свою коляску и жену. Госпожа Андре и Бюрсей долго путешествовали на одной хромой кавалерийской лошади в старом зарядном ящике, но под конец на одном из привалов во время партизанского наезда ядро раздробило их колесницу и тяжело ранило госпожу Андре, отчего первая любовница скоро на пу-

ти и умерла. Сам директор, граф Боссе, долго путешествовал верхом на пушке, отморозил себе ноги и кое-как добрался до Франции. Одна водевильная актриса Фюзи, последовательница этого скорбного путешествия, благополучно и без особенных приключений добралась до пределов родины и еще ознаменовала свой поход делом человеколюбия; во время входа французских войск в Вильно в суматохе какие-то родители потеряли ребенка; Фюзи взяла его под свою защиту, и при всей своей бедности она делилась с приемным последнею крохою и воспитала девочку, которую французы прозвали «виленской сироткой». Впоследствии ее история дала повод Скрибу написать драму «Ольга, русская сирота».

По выходе французов, первый посетил придворный театр императора Наполеона известный драматический писатель князь А.А. Шаховской. Вот какое печальное зрелище он увидел: на сцене валялись дохлые лошади и падаль, лестница, коридоры и залы были загромождены мебелью, зеркалами, инструментами. В уборных валялись обрезки парчовых и бархатных материй, из которых артисты выкраивали себе кафтаны, а артистки сооружали юбки, береты и шпенсеры и т. д.

В ожидании возрождения Москвы и московского театра некоторые из московских артистов жили в Петербурге, хотя и считались московскими.

Это были Злов, Толченев и Сандунов; все они под конец перешли на здешнюю сцену, только перед смертью Сандуно-

ва покинула Петербург и умерла в Москве.

Театр московский возродился в 1814 году. Первая пьеса, имевшая на московской сцене большой успех и игранная более тридцати раз кряду, была драма Бориса Федорова «Крестьянин-офицер, или Известие о прогнании французов из Москвы».

В 1814 году в Москве первоначально театральные представления давали в доме Ст. Ст. Апраксина, на Знаменке. Спектакли открылись 30 августа любимую в то время оперою «Старинные святки»; затем, помимо названной нами пьесы, имели большой успех драмы, «Храбрые кириловцы при нашествии врагов», сочинения Вронченки. Затем «Освобождение Смоленска», «Всеобщее ополчение» и комедия Бориса Федорова «Прасковья Борисовна Правдухина».

Даже балеты были применены к обстоятельствам того времени и носили чисто патриотические характеры; вот они: «Любовь к отечеству», «Русские в Германии», «Русские в Париже», «Казак в Лондоне», «Праздник в стане союзных армий».

Позднее, в 1815 году, большой успех производил дивертисмент «Семик, или Гулянье на Марьиной роще»; в этом дивертисменте русские солдаты славили подвиги русского оружия, лучшие певцы и певицы пели патриотические песни, и балетные артисты рисовались в русской пляске в богатых национальных костюмах. Здесь же знаменитый в то вре-

мя песенник Лебедев пел со своим хором. Этот семик был перенесен балетмейстером Глушковским на сцену Останкинского театра, где и давался во время пребывания там короля Прусского.